

УДК 398.21
ББК 82.3

Традиция и современность в творчестве коми сказочников (СУС 502 «Медный лоб»)

Надежда Степановна Коровина

(Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН:
Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26)

***Аннотация.** Глубокая и прочная связь коми и русской сказочных традиций отмечалась неоднократно, вместе с тем конкретных разысканий по данной проблеме недостаточно. По этой причине в статье предпринята попытка исследовать особенности взаимодействия сказок соседних народов, принадлежащих к разным языковым семьям, но имеющих близкие культурные традиции.*

Материалом стал сказочный сюжет СУС 502 «Медный лоб». Проанализировав пять вариантов коми сказки, можно заметить, что в них реализованы все значимые эпизоды этого сюжетного типа. Однако наблюдения над коми региональным материалом меняют представление о стабильности законов народной сказки. При современном процессе затухания сказочной фольклорной традиции произошли изменения в наиболее устойчивой ее составляющей — сюжетно-композиционном строении. Широкое варьирование коми сказочниками сюжетов, образов, их трансформация привели к «новеллизации» некоторой части коми сказок, превращению их в авантюрно-фантастические устные повести. Традиционные сюжеты переосмыслились прежде всего путем контаминации, а также путем сближения фольклорных сказок с русскими книжными произведениями.

Приведенные примеры закономерных изменений отнюдь не говорят о полном разрушении его глубинной традиционной основы. Исследование показало, что коми сказочники имели представление о традиционной сказочной обрядности, широко ими пользовались, что во многом способствовало сохранению волшебной сказки как жанра.

***Ключевые слова:** коми народная сказка, история сюжета, вариант, сюжетный тип, сравнительный анализ.*

***Дата поступления статьи:** 16 июня 2021 г.*

***Дата публикации:** 25 сентября 2021 г.*

***Для цитирования:** Коровина Н. С. Традиция и современность в творчестве коми сказочников (СУС 502 «Медный лоб») // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 3. С. 66–78.*

***DOI:** <https://doi.org/10.26158/ТК.2021.22.3.005>*

История народной сказки как жанра складывается из конкретных историй сказок отдельных народов. В этом плане существенна судьба каждого отдельного сюжета. Это особенно важно «при со-

временном противоречивом процессе затухания сказочной фольклорной традиции, когда соотношение устойчивого и динамичного в ней колеблется в ту или другую сторону», когда «одни элементы

художественной ткани сказки отмирают, другие нарастают» [Бараг 1988, 115]. Изучение закономерностей данного противоречивого исторического процесса является актуальной задачей современной фольклористики.

Материалом для наблюдений в данной статье стал сказочный сюжет, зафиксированный в «Сравнительном указателе сюжетов» под номером 502 «Медный лоб». Сюжет о подменном царевиче, отражающий древнюю веру в хозяев стихий, — один из наиболее известных в мире. В русской сказочной традиции он входит в число десяти самых популярных. В настоящее время в СУС зарегистрировано 35 русских вариантов этой сказки [СУС, 143–44]. Однако в работах, вышедших после 1979 г. и посвященных анализу сказочных сюжетов, описанию региональных сказочных традиций и творческому наследию отдельных сказочников, рассматриваются вновь выявленные варианты данного сюжетного типа [Добровольская 2015; 2017; 2018а; Лызлова 2019].

В настоящее время остается открытым вопрос о бытовании сказок сюжетного типа СУС 502 «Медный лоб» в других национальных традициях. Сопоставительное изучение вариантов сказочного сюжета, бытующего в условиях взаимодействия различных культур, необходимо для раскрытия его исторической судьбы. Примером этому может послужить история сказки о подменном царевиче в коми устной традиции.

Имеющийся в нашем распоряжении материал свидетельствует об активном бытовании сказок данного типа в репертуаре коми исполнителей. В общем сказочном фонде народа коми в настоящее время зафиксировано пять вариантов, бытовавших в пяти районах Республики Коми (далее — РК): Удорском, Прилузском, Усть-Куломском, Княжпогостском, Усинском. Кроме того, имеются две разновременные записи одной и той же сказки в исполнении У. А. Косковой. Одна из них — «*Сар ни*» (Сын царя) опубликована в фольклорном сборнике [Рочев 1991].

Тексты записаны от троих мужчин и двух женщин. Фиксировались они на протяжении 33 лет: самая ранняя запись сделана в 1948 г., последняя по времени — в 1981 г.

Цель данной статьи — выявить своеобразие содержания и формы коми сказок сюжетного типа СУС 502 «Медный лоб», особенности ее взаимодействия с русскими вариантами, так как «именно здесь, в сюжетах сказок, определяется устойчивость культурных контактов, от которых зависит сказочный репертуар любого народа» [Костюхин 1993, 13].

При рассмотрении данного вопроса будем использовать методiku сравнительного анализа, поскольку сопоставление живущих в репертуаре разных народов вариантов одного сюжетного типа «дает нам возможность не только определить историю этого сюжета или национальные особенности каждой из его версий, но и, нащупав предпосылки его возникновения или освоения фольклорной традиции того или иного народа, наметить некоторые закономерности в сложном процессе, каким является жизнь устной сказки как части мирового фольклора» [Померанцева 1988, 227].

Текстологическое сопоставление сказочных параллелей в данной работе предваряется описанием значимых эпизодов сюжетной схемы русской сказки СУС 502 «Медный лоб»:

1. Царевич освобождает чудесного пленника своего отца и за это изгоняется из дома.
2. В пути дядька (солдат) вынуждает царевича поменяться с ним одеждой.
3. В другом царстве, куда они прибывают, дядька (солдат) выдает себя за царевича, а царевича — за слугу.
4. С помощью освобожденного чудесного пленника царевич успешно справляется с обязанностями пастуха, побеждает вражеское войско или змея.
5. Истина обнаруживается: дядька (солдат) наказан, царевич женится на царевне. Во всех анализируемых вариантах коми сказки прослеживается сходство с русскими вариантами в развитии действия, последовательности эпизодов, в типе героев, их характеристике, в общности идейного содержания. В четырех из пяти реализованы все значимые эпизоды сюжетного типа, и только в одном варианте [Селиванова 1948] эпизоды 2 и 3 не использованы (подробнее об этом будет сказано далее).

Однако, изучая историю определенного сюжета, нельзя не учитывать и его

вариативность. Сказочник в зависимости от творческой задачи, которую в данный момент ставит перед собой, может по-своему рассказать любой эпизод. Так, все пять коми вариантов представляют собой контаминации сюжетного типа СУС 502 «Медный лоб» с другими сюжетными типами, причем такие соединения могут быть как традиционными для данного сюжетного типа (300₁, 532), так и оригинальными (570, 592, 315, 554). Разновидности контаминаций представлены в таблице.

№	Контаминация	Количество сюжетов
1	502 «Медный лоб» + 300 ₁ «Победитель змея»	2 — Коскова 1972; Уляшев 1962
2	502 «Медный лоб» + 300 ₁ «Победитель змея» + 315 «Звериное молоко» + 554 «Благодарные животные»	1 — Леканов 1959
3	502 «Медный лоб» + 570 «Заячий пастух» + 592 «Чудесная скрипка»	1 — Лебедев 1981
4	502 «Медный лоб» + 532 «Незнайка»	1 — Селиванова 1948

Для того чтобы выявить общее и особенное в контаминационных схемах коми регионального сказочного материала, приведем для сравнения наиболее частотные сочетания сюжетов-мотивов, традиционных для восточнославянских сказок: 502 + 532 «Незнайка» (бел.); 502 + 532 «Незнайка» + 530А «Свинка золотая щетинка» [СУС, 396]. Контаминации 502 + 361 «Неумойка»; 502 + 465А «Красавица-жена» — в СУС не отмечены, но встречаются, в частности, в русских сказках, записанных в Сибири [Русские сказки Сибири 1993, 292].

Как показывает таблица, практически все коми сказки представляют собой оригинальные многосюжетные контаминации, две из которых (№ 2, 3) не имеют параллелей в известном традиционном сказочном материале. Попытаемся охарактеризовать каждую из них.

Сказка, записанная Г. Г. Бараксановым в 1966 г. в селе Колва Усинского района¹ РК от У. А. Косковой, в целом представляет собой классический вариант рассматриваемого сюжетного типа, сохранивший

все основные структурные элементы, образующие сюжет, традиционные образы, типичные места, сказочную атрибутику. Как и многие русские сказки, он контаминирован с сюжетным типом СУС 300₁ «Победитель змея».

В этой сказке чудесный пленник, «*вид-жыд тошка старик*» (старик с большой бородой), уже содержится при царе в плену, в отдельном помещении. Коми сказок с таким типом экспозиции две [Селиванова 1948]. Встречается подобное вступление и в русских текстах (ср. с рус.: «У одного царя много лет содержался мужичок руки железны, голова чугунна, сам медный, хитрец был, важный человек» [Афанасьев 1984, № 125, 170]).

Довольно интересен эпизод, своеобразно включенный в сказку: чудесный пленник, освобожденный царевичем, дарит ему в благодарность силу через поднесенное питье. На третий раз он становится таким сильным, что «*муас кö вуз, наверно, мусö эськö бергöди*» (если у земли была бы ручка, то, наверное, землю смог бы перевернуть)[Рочев 1991, 121]. Мотив получения богатырской силы через поднесенное питье, характерный в основном для былин об Илье Муромце (ср. с былиной «Исцеление Ильи Муромца и получение им силы»), встречается и в ряде русских сюжетов типа СУС 502 «Медный лоб» [Афанасьев 1984, № 123; Ончуков 1908, № 211].

В настоящее время, конечно, трудно точно определить источник возникновения мотива. Возможно, он усвоен исполнительницей из уже сложившейся русской устной сказочной традиции. Однако нельзя, на наш взгляд, исключить и непосредственное влияние самих устных эпических произведений. Проживая в районе, наиболее близком к крупному былинному очагу, расположенному на Печоре, она могла, на наш взгляд, познакомиться с образцами русского эпоса, слушая исполнение не только сказок, но и былин в их классической форме. Республика Коми — один из немногих регионов России, где сказки о богатырях русского эпоса получили довольно широкое распространение (подробнее об этом см.: [Коровина 2013, 45–55]). Отметим, что У. А. Коскова известна как талантливая

¹ Ныне — село в городском округе г. Усинска.

исполнительница не только сказок, но и коми эпических произведений.

Сказительское мастерство У. А. Косковой проявилось также и в стиле повествования, в использовании традиционной сказочной обрядности.

Начинается сказка зачином: «*Олӧ-вылӧ сар*» (Жил-был царь) [Рочев 1991, 119]. Широко используются сказочницей и поэтические формулы — одни из самых популярных в коми сказочной традиции:

а) формула времени: «*Меным висьтавны ӧйӧ, муніс, муніс кытчӧкӧ*» (Мне рассказывать быстро, а шел, шел куда-то) [Там же], представляющая собой усеченную форму русской сказочной формулы: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

б) формула, представляющая собой диалог между героем и его противником — многоголовым змеем («*гундыром*») перед боем: «*Море кӧлэбаччис, кӧлэбаччис да куим юра гундыр петі. О-о, бур тай, висьталэ, сарыс. Ӧтик юрлы ӧтик глӧтӧк кори, а менум на, висьталэ, куим юрлы куим глӧтэк ытэма. А, висьталэ, гундыре, прӧклятэе, ин на лый да ин на куиты, а сӧйны нин мӧдан, код тӧдас, кутшем кусӧкен джагалан*» (Море колебалось, колебалось, и трехголовый змей вышел. О-о, хороший, говорит, царь. Одной голове один глоток прислал, а моим, говорит, трем головам три глотка прислал, оказывается. А, говорит, змей проклятый, не стрелял и не ошипывал еще, а съестъ уже хочешь, кто знает, каким куском подавишься) [Коскова 1972, л. 290–291].

Обращает на себя внимание, что в диалог героя со змеем включена известная коми поговорка: «*Лыйтӧм сьӧлатӧ эн куиты, кыйтӧм оитӧ эн куль*» (Неубитого рябчика не ошипывай, <шкуру> неубитого медведя не сдирай), которая подчеркивает формульность повествования. Сказочницей она используются в том числе для более лаконичного и доходчивого выражения своих мыслей.

Органично вошла в повествование формула-присказка свадебного пира. Коми сказочница, видимо хорошо знакомая с русской сказочной обрядностью, в переработанном виде включила ее в свое произведение: «*Мен тай йи кӧбыла да анькытши орс сетлісны же кӧлысь выланьыс, пӧдарки. Да локны кучи гортэ, а пынысьн бара ӧйе. А кусӧдчині кучи. Бергеччи,*

а йи кӧбылайд сьлэма, а анькытши орстэ гулюяс сӧйӧмась да нинэм абу тай» (Мне бы ледяную кобылу да гороховую уздечку давали же на свадьбе, подарки. Да поехала я домой, а баня горит. Стала тушить. Повернулась, а ледяная кобыла растаяла, гороховую уздечку голуби склевали. И ничего не осталось) [Там же, л. 277].

Формулы с мотивом утери подарков встречаются в коми текстах нечасто. Эти заимствованные формулы-присказки включали в свои сказки, творчески их переработав, наиболее талантливые коми сказочники, такие как У. А. Коскова.

Итак, «обстоятельность повествования, добротность монументальной постройки, возведенной из старого выдержанного материала, скрепленного так прочно, что ни один мотив, ни одна деталь не выпадает из целого» [Померанцева 1988, 281], — всё это составляет основу сказки У. А. Косковой.

Примером своеобразной разработки сюжета «Медный лоб» может послужить сказка, записанная М. А. Сахаровой и Д. И. Чуркиной в 1962 г. в д. Вольдино Усть-Куломского района РК от Ф. И. Уляшева.

Этот вариант, так же как и предыдущий, сохранил все основные структурные элементы, соответствующие сюжетному типу. Чудесный пленник представлен в образе серебряного человека («*эзысь морт*»). Он случайно встречен на охоте, в лесу: «*Оліс-выліс Канин сар. Муніс вӧрӧ кыйсьыны. Ёкмыль аддзис. Морт нисьӧ не морт. Мыйке сэн зэв югьялӧ. Воис, а сэтэн — зысь морт*» (Жил-был царь Канин. Поехал в лес на охоту. Нашел комок. Человек — не человек... Что-то там сверкает. Подошел, а там — серебряный человек) [Уляшев 1962, 319]. Такой тип экспозиции встречается только в этой коми сказке. Однако он типичен для русских вариантов данного сюжетного типа (ср. с рус.: «Жил-был царь, у него был сын Иван-царевич и дядюшка. Царь был охоч на охоту ездить. Один раз они поехали на охоту и заблудились в лесу. День, два там жили, царь вышел на край, и увидел на поле удивительного мужичка, и стал трубить в рожок, своих охотников собирать. Они собрались, взяли этого мужичка, поехали домой [Худяков 1964, № 4, 68]).

Ф. И. Уляшев придерживается сказочной обрядности, обращая внимание на

употребление общих мест, традиционных оборотов. Так, в соответствии с формулой времени сказочник утверждает: «*Kõnešinõ, мен регыд висътавны, ная бура дыр мунисны*» (Конечно, мне скоро рассказывать, а они довольно долго шли) [Уляшев 1962, 323]. Как и положено в сказочном повествовании, эпизоды в тексте повторяются трижды. Так, назначенный конюхом, царский сын три раза пасет коней, каждый раз удваивая при помощи серебряного человека их количество: 50 коней вместо 25, 100 — вместо 50, 200 — вместо 100. Сын царя побеждает своих врагов с помощью коня с огненными крыльями («*би борда вöv*»), подаренного чудесным пленником.

Однако рядом с традиционными стилистическими формулами появляются необычные для волшебных сказок слова: дворянин, конвоир, туземное государство. В тексте упоминаются необычные имена: Лукопер, Полкан — герои лубочной сказки о Бове-королевиче. Именно эти персонажи, а не многоголовые змеи стали противниками сына царя Канина, именно их он побеждает с помощью чудесного коня с огненными крыльями. Сближение фольклорных сказок с книжными произведениями проявляется в данном примере в относительно свободной игре фантазии сказочника, в более широком варьировании им образов и в трансформации сюжета.

Следует отметить, что эпизоды, мотивы, имена персонажей из лубочных произведений можно встретить и в других коми текстах. В общем сказочном фонде коми имеется довольно большой пласт сказок, тесно связанных с русской книжной традицией (подробнее об этом см.: [Коровина 2013, 56–85]). Проведенный в данной работе анализ сказки Ф. И. Уляшева показывает, что взаимодействие устной традиции и книги — важная для коми фольклористики научная проблема, закономерно возникающая при изучении источников, повлиявших на формирование сюжетного состава коми сказки.

Сказка «*Вөр дядь*» (Леший) записана Е. В. Ветошкиной в 1981 г. от талантливого коми сказочника Василия Степановича Лебедева (1909–1993) в д. Половники Княжпогостского района РК — одного из последних хранителей богатой вымской сказочной традиции. Впервые же сказки от этого талантливого исполнителя были

зафиксированы в 1979 г. известным лингвистом В. А. Ляшевым [Лебедев 1979].

Василий Степанович считал себя коми, однако родословную вел, по его словам, от русского первопоселенца, будто бы беглого казака по фамилии Лебедев. В. С. Лебедев прекрасно владел местным репертуаром сказочной и несказочной прозы, легко рассказывал один и тот же сюжет как на коми, так и на русском языке. Он любил рассказывать «длинные, хорошие сказки». «Забавные (сказки. — Н. К.), по словам исполнителя, только для смеха, что толку-то с них». Раскрывая особенности своей творческой лаборатории, сказочник отмечал: «Вот одну начнешь, а потом добавляешь — это одна сказка. Вот я рассказал (про героя. — Н. К.), который со змеем дрался, а этот змей совсем из другой сказки. А тут я уже прибавил, всё изменил, а вы и не заметили, это я так соединил, вклинился, и всё — другая сказка» [Лебедев 1990, № 27].

Индивидуальное мастерство сказочника особенно ярко проявилось в сказке «*Вөр дядь*» (Леший). Об этом свидетельствует и экспозиция сказки, в основе которой «мотив потравы» [Пропп 1998, 250]: поимка вора, портившего сад. Создана она с использованием оригинальных реалистических деталей: «*Олис-вылис öти государствын цар. Сылön вöли зэй мича сад. Вөр волос, таялас. Цар тийöктис вöчны öграда, шöрас пуктыны комната, сэтчö пуктыны сёянюан быдсяма. Пырис Вөр дядь, мöдис сёйныюны. Салдатгяс сиптисны öдзöссö*» (Жил был в одном государстве царь. У него был очень красивый сад. Приходит вор, топчет его. Царь приказал в саду сделать ограду, в середине установить комнату, там еду и питье всякую разложить. Зашел Леший, начал кушать и пить. Солдаты закрыли дверь) [Лебедев 1981, 345].

Наделенный исключительной памятью, владеющий обширным репертуаром, В. С. Лебедев смело соединял сюжеты, создавая оригинальные сказочные полотна. Так, например, сказка «*Вөр дядь*» (Леший) создана путем объединения сюжетов СУС 570 «Заячий пастух» и СУС 592 «Чудесная скрипка» и является, очевидно, результатом его индивидуального творчества, так как подобные сочетания сюжетов у других сказочников не зафиксированы.

В рассматриваемом варианте старший конюх (по прибытии в другое царство царь

назначил солдата, выдававшего себя за Ивана-царевича, старшим конюхом, а самого Ивана-царевича — простым солдатом) пишет письмо царю, сообщая о том, что солдат может научить маршировать 30 свиней по-солдатски. Эпизоды, как и положено в сказочном повествовании, повторяются трижды. Леший, которого Иван-царевич освобождает из заточения, помогает выполнить эти задания. Он отправляет героя к своим женам. Одна из них дарит ему дудку («пблян»), с помощью которой он учит маршировать вначале 30 свиней, затем 50 быков и 100 лошадей. Вторая дарит Ивану-царевичу гармошку («гудок»), под которую пляшут и царь, и царица, и все люди.

Контаминация этих сюжетов является типологически закономерной. По всей видимости, их включение в коми сказку произошло благодаря тематической близости с некоторыми русскими сюжетами. Так, в сказке «Заячий пастух» из сборника Н. Е. Ончукова [Ончуков 1908, № 258] герой (как и в коми сказке) с помощью чудесной дудки, подаренной ему старичком, справляется с обязанностями заячьего пастуха. В сказках из сборника И. А. Худякова чудесную дудку, под которую все пляшут до изнеможения, дарят герою Бог [Худяков 1964, № 73] и чертенок [Там же, № 105]. Однако нельзя исключить влияния на коми сказку и литературных произведений. Так, сказка о заячьем пастухе имеет соответствие произведению «Птица-гриф» из сборника сказок братьев Гримм [Гримм 2018, № 165].

Не стоит сбрасывать со счетов также и то, что на сказку В. С. Лебедева вполне мог оказать влияние популярный мультфильм «Королевские зайцы», созданный в 1960 г. режиссером В. Полковниковым по мотивам сказки Асбьернсена. С середины XX в. сказочники часто используют мультфильмы как источник своих текстов.

В целом же сказка В. С. Лебедева «Вор дядь» (Леший) несет в себе, наряду с традиционными фабулой, образами, приемами, выработанными многими поколениями сказочников, нечто своеобразное. Она является результатом индивидуального творчества, в котором проявились его фантазия, стремление к созданию собственных, оригинальных текстов (см. об этом: [Добровольская 2018б, 180]).

Сказка «Волі купеч богатій...» (Жил купец богатый...) записана Ф. В. Плесовским

в 1959 г. в селе Обьячево Прилузского района РК от Прокопия Аристарховича Леканова (Арис Прошö). «Сказки начал он рассказывать в восьмилетнем возрасте. С 13 лет работал на распиловке досок для постройки барж. Ходил на заводы — пилил дрова, батрачил. В возрасте 60 лет ослеп. Обладает большой памятью. Большое влияние на его сказки оказали произведения, прочитанные ему, уже слепому, школьниками (например, сказки из сборника «Тысяча и одна ночь»)» [Леканов 1959, 1].

Рассматриваемое произведение, не имеющее параллелей в фольклорном материале народа коми, представляет собой контаминацию четырех сюжетов: СУС 502 «Медный лоб», СУС 554 «Благодарные животные», СУС 315 «Зверино молоко», СУС 300₁ «Победитель змея». Сцепление эпизодов разных сюжетов происходит путем творческого их развертывания, включения в текст бытовых деталей, мотивировок.

В основе экспозиции сказки, как и в предыдущем варианте, — мотив погрывы. Только таинственный вор (здесь — Медный человек на медном коне) портит не сад, а поля пшеницы: «Волі купеч богатій, сылön волі куим ни. Купеч думайтис вöчны пашня. И вöчис зев ыджыд пашня. И кöдзис шобдi. Коркö шобдi быдмис и шептасис ёна бур. И мöдiс травитчыны. Купечлön нияныд видлалöнд: некодöс оз аддзыны, а шобдi вошалö век унджык и унджык» (Был купец богатый, у него было три сына. Купец задумал сделать пашню. И сделал очень большую пашню. И посеял пшеницу. Когда-то пшеница взошла и заколосилась очень хорошая. И стала вытаптываться (травиться). Купеческие сыновья приходят: никого не видят, а пшеница пропадает всё больше и больше) [Там же, 217] (ср. с рус: «Насеял мужик пшеницы, только всякую ночь кто-то ее вытаптывает. Послал он сперва старшего сына караулить, тот не караулил, на другую ночь послал среднего, средний не караулил. На третью ночь послал он дурака. Тот взял дубинку и пошел караулить. Вот в полночь он и видит: кто-то пригнал табун лошадей, и начали они топтать пшеницу. И видит дурак, что гонит лошадей эдакой маленький мужичонко» [Худяков 1964, № 108, 234]).

В описании этого эпизода П. А. Леканов достигает наибольшей образительности и конкретности, дает подчас

замечательные реалистические фрагменты. Разнообразные стороны крестьянского хозяйства были хорошо известны сказочнику, известны практически, поэтому неудивительно, что с хозяйственными подробностями описал он поимку Медного человека сыном купца: «*Андрей воис пашня вылө да пуксис. Пукалышитис да мөдис сьылмыны, мяян ногөн, заветка ньөргяс. Андрей сьылмис, гаикө, ньөр вит дас кымын. А сэтöнi вöли, пашня бокас, пув колода (ыджыд пу перийсны да сэтчы кыстасны пув), и вевтыс колода бокас. Ыргөн вөв пашня вылө пьрис, а морт вөв вылысь чеччышитис. Вөв кутис сейны <шабди>, а ыргөн мортис водис колодаас. Андрей, долго не думая, матөдчис да вевтнас вевтис да ставсө ньөръялис*» (Андрей пришел на пашню и сел отдохнуть. Посидел и стал заворачивать (закручивать), по-нашему, завертки прутьев. Андрей закрутил, наверно, около пятидесяти прутьев. А там была, около пашни, колода для брусники (большое дерево выдалбливают и туда помещают, сыплют бруснику) и крышка от колоды рядом. Медный конь на пашню зашел, а человек с коня сошел. Конь стал есть <пшеницу>, а медный человек лег в колоду. Андрей, долго не думая, подошел и крышкой закрыл и опутал (завязал) прутьями) [Леканов 1959, 218–219] (ср. с былинным сюжетом «Смерть Святогора в гробу»).

Объединяя сказочные мотивы в одно большое полотно, П. А. Леканов всегда мотивирует это, как бы скрепляя отдельные части либо сюжетными ситуациями, либо какими-либо деталями. Его сказка никогда не рассыпается на отдельные части, а всегда представляет собой монолитное целое. Сюжетная линия, где солдат выдает себя за царевича, а царевич — за слугу в данном варианте отсутствует, так как эпизод с обменом одеждой между героями в сказку не включен. Для того чтобы не нарушить общей сюжетной линии, сказочник в этой ситуации по-своему пытается разрешить судьбу солдата: солдат убегает, украв золото, которое высыпалось из кольца, подаренного Александру-царевичу Медным человеком.

Разрабатывая вторую часть сюжета, П. А. Леканов соединяет разнородные на первый взгляд мотивы, которые приводят к неожиданным поворотам в фабуле сказки. Так, именно в этой части появляется противоречивый образ сестры героя.

О ней сказочник впервые упоминает в экспозиции сказки: «*А царлөн вöли пи да ныл — Александра-царевна да Александр-царевич. Александр-царевич вöли көкъямыс арöса, öкмысөд вылын, а сочыс вöли ыджыд-джык*» (А у царя были сын и дочь — Александра-царевна и Александр-царевич. Александру-царевичу было восемь лет, на девятом, а сестра была старше) [Леканов 1959, 220–221]. Вводя эпизод с сестрой во вторую часть, он фабульно мотивирует ее появление: отец проклял свою дочь, и ее унес Волшебный идол. Подобные мифологические рассказы столь многочисленны, что исследователи выделили их в самостоятельную группу сюжетов о проклятых, унесенных нечистыми. Они получили и сказочное оформление (см.: СУС 813А «Проклятая дочь»), стали очень популярными и существуют в различных версиях, как в коми (например, в сказке «*Аника-воин*», записанной Ф. В. Плесовским в 1969 г. в с. Брыкаланск Ижемского района РК от П. К. Рочевой, герой освобождает трех дочерей царя, которых унес леший из-за того, что они были прокляты родителями [Рочева 1969, 19]), так и в русских сказках [Афанасьев 1984, № 227–228]. По отношению к несказочной прозе волшебная сказка выступает прежде всего как «потребитель», так как за ее счет она расширяет свой репертуар. Вследствие этого многие сюжеты могут одновременно функционировать и как былички, и как мотивы волшебных сказок.

Сестра, встретившись с братом, предлагает ему сыграть с ней в карты с условием, что проигравшему свяжут руки веревкой. Брат смог разорвать веревки потому, что выпил воду, дающую силу, из пузырька, подаренного Медным человеком. Этот мотив — явная реминисценция из авантюрно-новеллистической редакции лубочного произведения «Сказка об Иване-богатыре, мужицком сыне» из сборника П. Тимофеева [Лекарство от задумчивости 2001, № 25, 350–351], многочисленные публикации которой оказали достаточно сильное влияние на устную традицию (см., например: [Афанасьев 1984, № 203; Зеленин 1914, № 5]). Вариант П. А. Леканова не повторяет книжную сказку целиком. Вместе с тем можно предположить, что сказку он либо слышал в чьем-либо чтении, либо, что более вероятно, в чьем-либо пересказе.

Значительную роль в развитии фабулы в этой части сказки сыграли также и чудесные звери: заяц — «десятский», лиса — «староста», медведь — «урядник», которых предоставил в распоряжение героя Медный человек. Герой при помощи зверей избавляется от Волшебного идола (пока он играет в карты с сестрой, они убивают врага). В русских сказках такой мотив не зафиксирован.

Выясняя таинственную природу чудесного пленника, В. Я. Пропп писал: «Родство лешего с благодарными животными дает нам право предположить, что и леший есть антропоморфизированное животное, власть над которыми дает власть над охотничьими животными» [Пропп 1998, 247]. В настоящее время, конечно, трудно точно определить источник возникновения этого мотива в коми сказке. Возможно, он проявление свободной игры фантазии сказочника или же усвоен им из незафиксированной русской сказки.

Следующая часть сказки — пересказ сюжетного типа СУС 300₁ «Победитель змея». Основные мотивы традиционного сюжета отражены в тексте, но реализация их весьма своеобразна. Так, герою не потребовался тот запас силы и положительных качеств, которым вначале уделено большое внимание. И 3-голового, и 6-голового змея он убивает совместно со зверями-помощниками, а справиться с 9-головым змеем ему помогают не только звери, но и Медный человек. В итоге они освобождают не только царских дочерей, но и богатыря-оборотня, заколдованного 9-головым змеем и превращенного в лошадь, на котором он сам ездил: «*Ме пö вöлі зэв сильной богатыр, менö пö вермис. Ме пö морт вöлі, и менö превратитис вöлö*» (Я, дескать, был очень сильный богатырь, меня-де победил. Я, дескать, человеком был, и меня превратил в коня) [Леканов 1959, 245]. Таким образом, несмотря на то что сказочник соблюдает сказочную обрядность (троичность, повторяемость эпизодов), все-таки отступление от жанровых канонов, личное вмешательство в традиционные общие места велико.

Сюжет «Победитель змея» (СУС 300₁) должен бы стать завершающим звеном в логической схеме этого повествования: герой освобождает обреченную на съедение царевну и женится на ней. Однако сказочник в следующей части пытается разрешить

введенный им в действие мотив, связанный с сестрой героя. Как показал анализ, основным конфликтом в следующей части коми сказки становится вредительство и его предотвращение с помощью «чудесных» помощников (основа — сюжетный тип СУС 315 «Звериное молоко»). Брат прощает сестру и просит своих солдат: «*И если кö пö менам сочыс сулалö бöчкаын синва пивын — колö вайны, а если кö пö бöчкаын сир пивын — оз ков пö вайны*» (Если, дескать, моя сестра стоит в бочке, наполненной слезами, — надо привести, а если в бочке со смолой, то не надо привозить) [Там же, 250]. Однако козни прощенной сестры и после прибытия в дом брата продолжают. Завидую его семейному счастью, она, пробравшись ночью незаметно в спальню, где он спал с женой, кладет на его грудь коренной зуб Волшебного идола. Герой умирает, но его спасают звери-помощники.

Очутившись после спасения в домишке бабушки-задворенки, он соглашается идти во дворец к своей жене при условии: «*если цар кыльчö понсянь да тая бабушка кыльчö понöдз вольсянныд гөрвöд ной да локтанныд тройкаöн*» (если от крыльца царя до крыльца этой бабушки расстелют красное сукно да приедут на тройке) [Там же, 256]. Финальный эпизод коми сказки, по всей видимости, является еще одной реминисценцией мотива русских сказок, в основе которого лежит фольклорный сюжет СУС 551 «Молодильные яблоки». Например, в сказке из собрания А. Н. Афанасьева Царь-девица, подъезжая к царству Ивана-царевича, «расставляла шатры белые, устилала всю дорогу сукнами красными» [Афанасьев 1984, № 178, 373]. А финальный эпизод этого варианта, в свою очередь, восходит к лубочной сказке П. Тимофеева «Сказка о трех королевичах». Ее герой соглашается пойти к Царь-девице (своей невесте), но ставит перед отцом одно условие: «только прикажите сделать мост от нашего дворца и до той палатки (где Царь-девица остановилась. — Н. К.) и чтоб убить весь мост золотую парчю» [Лекарство от задумчивости 2001, № 18, 243]. Определить конкретный источник усвоения коми сказочником этого мотива довольно трудно, поскольку на позднем этапе бытования коми сказок и русская устная традиция, и книжные произведения переплелись, постоянно взаимодействуя друг с другом.

Еще одна коми сказка, где традиционный сюжет 502 «Медный лоб» вольно переосмыслен, записана Ф. В. Плесовским в 1948 г. в Удорском районе РК от А. С. Селивановой. Чудесный пленник Кощей содержится царем в отдельном доме за 12 замками.

Образ Кощей варьируется в данной сказке настолько, что порой представляется одинаковым лишь по звучанию имени. В него привнесены такие изменения, которые несвойственны традиционному типу сказочного персонажа. Сказочницей он представлен царем Кощеем в облике старика, едущего на огненном тарантасе. Известно также, что он может превращаться в огненный клубок: «*би тупыльён локтё*» (огненным клубком идет). Известны и родственные связи Кощей: у него имеются жена и две дочери.

Дары, предназначенные для героя, характеризуются относительным разнообразием: сам Кощей дарит ему огненный тарантас, его жена — трех вороных коней, старшая дочь — полотенце для рук («*пёрнэй ки чиигъян*»): если потрясти им, появится конь, который может летать и над деревьями, и над кустами; младшая дочь — булатный нож: если по сторонам взмахнуть им — все вокруг повалится мертвыми. Все чудесные предметы, упоминаемые в сказке, сыграют свою роль в развитии сюжета.

Сказочница старается мотивировать каждый, хотя бы незначительный эпизод. Так, проверяя действие булатного ножа, герой машет им над животными, которых пас, и весь скот валится замертво. Взамен погубленных животных ему приходится отдать царю трех вороных коней и огненный тарантас.

Далее действие развивается в соответствии с сюжетом СУС 532 «Незнайка». Взмахнув полотенцем, герой получает коня, на котором едет в другое государство. Если король перед посыланием к чужеземному королю в ряде русских сказок облачается в шкуру быка, овцы, козы или в свиной коожушок, то в данной сказке герой облачается в шкуру волка, которого сам убивает по пути. В том государстве, куда прибывает герой, не могут определить породу зверя, так как там никогда не видели волка, поэтому его помещают в хлев и держат за собаку, и кормят,

как собаку. И только дочь царя Настя привечает его и ухаживает за ним.

Дальнейшее развертывание сюжета происходит путем переосмысления и домысливания эпизодов, деформации их и связанных с ними образов. Так, Кощей, действующий в начале повествования как чудесный помощник и даритель чудесных подарков, во второй части сказки становится противником главного героя. Сбрасывая волчью шкуру, герой сказки трижды с помощью булатного ножа (подарка младшей дочери Кощей) избавляет царских дочерей от Кощей, ранит его. Затем женится на дочери царя Насте.

Отправившись через некоторое время проведать своих родителей, он заезжает по пути к Кощей и на год становится его слугой — охраняет три амбара с золотом. В четвертом амбаре, вход в который был запрещен, он находит коня и девушку, закованных цепями. По именному кольцу и платку он узнает в ней свою исчезнувшую сестру (о сестре, которая внезапно исчезла, впервые упоминается в начале сказки: «*Нылыс налён невидимё вбиш, буттё бес нуис*» (Дочка у них внезапно исчезла, как будто бес ее унес) [Селиванова 1948, 27]). Успев освободить до прихода Кощей только коня (сестра погибает), они с ним убегают. Превратившись в огненный клубок, Кощей пытается догнать их, но они с конем успевают перепрыгнуть реку (по всей видимости, отголоски мотива СУС 314 «Чудесное бегство с помощью коня»²).

Встретившись с родителями, он отправляется обратно к жене. По пути захав в дом Кощей, он видит, что его сестра и Кощей мертвы. Забрав золото из дома Кощей, он едет к своей жене-царевне.

Такое сложение сюжетов, с одной стороны, не противоречит логике рассмотренных сказок, с другой — свидетельствует о разрушении классической волшебной сказки и превращении ее в авантюрно-фантастическую устную повесть.

Проанализировав варианты коми сказки, можно заметить, что в них реализованы все значимые эпизоды сюжетного типа СУС 502 «Медный лоб». Как в русских, так и в коми сказках «это пленное, неуклюжее лесное чудовище <...> предстает как добрый покровитель героя, как мощный властелин над жизнью, смертью,

² Подробнее о вариантах СУС 314 «Чудесное бегство с помощью коня» см.: [Поздеева 2018].

животными и их таинственными силами и действует в точности как яга, являясь ее эквивалентом» [Пропп 1998, 252].

Вместе с тем наблюдения над коми региональным материалом меняют представление о стабильности и неизблемости законов сказкотворчества. При современном процессе затухания сказочной фольклорной традиции происходят изменения в наиболее устойчивой ее составляющей — сюжетно-композиционном строении. Проявляются они и в свободной игре фантазии сказочников, и в более широком варьировании ими сюжетов, образов, и в трансформации сказочного жанра. «Тексты отличаются интересом к психологии героев, рассказами о мотивировках их поступков — то есть всем тем, что свидетельствует о стремлении к созданию авторского текста, творчества за пределами сказочного канона» [Добровольская 2018б, 182].

Стремление современных коми сказочников «к логическому и психологическому обоснованию, мотивированию удивительных событий и поступков действующих лиц, желание создать иллюзию достоверности ведут к нарушению былой замкнутости и относительной самостоятельности сказочных жанров, в частности к “новеллизации” волшебной сказки» [Бараг 1988, 116], и превращению ее в своеобразную авантюрно-фантастическую повесть. Традиционные сюжеты переосмыслились прежде всего путем контаминации, а также путем сближения фольклорных сказок с русскими книжными произведениями.

Как показал анализ, коми сказочники, поскольку основным типом коммуникативного билингвизма для населения Республики Коми является коми-русское двуязычие, при рассказывании сказок легко переходят с одного языка на другой и легко включают в свой репертуар инациональный материал — сюжеты, мотивы, образы и даже художественные приемы (в частности, присказки и поэтические формулы) из русских сказок. В связи с этим резко меняются этнические функции коми сказок, они «теряют свою этническую специфику, свою знаковость, впитывают в себя элементы русской традиции, которые не осознаются как чужие, а воспринимаются как исконно свои» [Померанцева 1979, 44]. Таким образом, стилистические приемы русской сказки в определенной мере способствуют эстетическому совершенствованию коми сказок.

Приведенные примеры закономерных изменений, происходящих в коми народном сказкотворчестве, отнюдь не говорят о разрушении его глубинной традиционной основы. Исследование показало, что коми сказочники имели достаточно полное представление о традиционной сказочной обрядности, широко ими пользовались, что в определенной мере способствовало сохранению коми волшебной сказки как жанра. Несмотря на то что круг слушателей и ценителей сказок значительно сузился, ушли из жизни мастера сказочного эпоса, коми сказка, сконцентрированная в основном в архивах, не утрачивает высокой ценности как культурное наследие народа коми.

Источники и материалы

Афанасьев 1984 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 1 / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984.

Гримм 2018 — *Гримм В., Гримм Я.* Полное собрание сказок и легенд в одном томе. М.: Эксмо, 2018.

Зеленин 1914 — Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1914. (Записки Императорского Русского географического общества по этнографии. Т. ХLI).

Коскова 1966 — НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 525. Л. 105–113. Коми народные сказки. Т. 16. (1991–95 гг.).

Коскова 1972 — НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 89. Л. 278–299. Материалы Печорской фольклорной экспедиции. 1972 г.

Лебедев 1979 — НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 247. Ляшев В. А. Лексикология современного коми языка: Лексика вымского диалекта.

Лебедев 1981 — НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 279. Л. 345–350. Материалы фольклорной экспедиции в Княжпогостский и Усть-Вымский районы. 1981 г.

Лебедев 1990 — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар. Княжпогостское собрание. Аудиофонд 1418. № 27.

Леканов 1959 — НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 199. Л. 217–237. Народные сказки (Прилузский, Сыктывдинский р-ны, села: Иб, Объячево). 1959 г.

Лекарство от задумчивости 2001 — Лекарство от задумчивости. Русская сказка

в изданиях 80-х годов 18 века / Изд. подгот. К. Е. Корепова, Л. Г. Беликова. СПб.: Тропа Троянова, 2001.

Ончуков 1908 — Северные сказки: Архангельская и Олонецкая губернии: Сб. Н. Е. Ончукова. СПб., 1908. (Записки Имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии. Т. 33).

Рочева 1969 — НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 325. Л. 15–21. Фольклорный материал, собранный в Ижемском и Печорском районах Коми АССР (февраль — март 1969 г.).

Рочев 1991 — Коми мойдъяс (Коми сказки) / Сост. Ю. Г. Рочев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991.

Русские сказки Сибири 1993 — Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / Сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск: Наука, 1993. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Селиванова 1948 — НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 27–34. Материалы фольклорной экспедиции в Удорский, Сыктывдинский, Железнодорожный, Койгородский р-ны. 1948–1957 гг.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский и др. Л.: Наука, 1976.

Уляшев 1962 — НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 220. Л. 319–336. Верхневычегодский диалект коми языка. Т. II. Ч. 2. (Вольдино).

Худяков 1964 — Великорусские сказки в записках И. А. Худякова / Изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1964.

Исследования

Бараг 1988 — *Бараг Л. Г.* Состояние восточнославянской устной сказочной традиции и современные народные сказочники // Традиции и современность в фольклоре. М.: Наука, 1988. С. 113–152.

Добровольская 2015 — *Добровольская В. Е.* История фиксации «Жена ужа» (425М) у русских // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 133–142.

Добровольская 2017 — *Добровольская В. Е.* Сюжет «Амур и Психея» (СУС 425А) в русской

сказочной традиции // Традиционная культура. 2017. № 3. С. 139–150.

Добровольская 2018a — *Добровольская В. Е.* «Ореховая веточка»: редакция сюжетного типа СУС 425С «Аленький цветочек» // Из истории русской фольклористики: Сравнительные методы и подходы в изучении народного поэтического творчества: К юбилею Ю. А. Новикова. СПб.: Свое изд-во, 2018. С. 226–238.

Добровольская 2018b — *Добровольская В. Е.* Мужская сказочная традиция в России: сказочный канон и индивидуальное начало (XIX–XXI вв.) // Традиционная культура. 2018. № 5. С. 175–187.

Коровина 2013 — *Коровина Н. С.* Типология взаимодействия коми и русских волшебных сказок (сюжетный состав, художественно-стилевая структура). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013.

Костюхин 1993 — *Костюхин Е. А.* Сказки и типология культурных контактов // Русский фольклор: Межэтнические фольклорные связи. СПб.: Наука, 1993. Т. XXVII. С. 3–13.

Лызлова 2019 — *Лызлова А. С.* Сюжетный тип 510В «Свиной чехол» в сказочной традиции Карелии // Традиционная культура. 2019. № 1. С. 31–41.

Поздеева 2018 — *Поздеева А. Н.* Сравнительный анализ сюжетного типа СУС 314 «Чудесное бегство с помощью коня» в польской и русской волшебной сказке // Сб. матер. X Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЧГУ им. И. Н. Ульянова, 2018. С. 200–205.

Померанцева 1965 — *Померанцева Э. В.* Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965.

Померанцева 1979 — *Померанцева Э. В.* Русская сказка в устном репертуаре коми // Советская этнография. 1979. № 6. С. 32–44.

Померанцева 1988 — *Померанцева Э. В.* К вопросу о национальном и интернациональном в народных сказках: (На материале сюжета «Неверная жена») // Померанцева Э. В. Писатели и сказочники. М.: Сов. писатель, 1988. С. 187–227.

Пропп 1998 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки // Пропп В. Я. Собрание трудов. М.: Лабиринт, 1998. С. 112–436.

© Н. С. Коровина, 2021

ВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коровина Н. С. <https://orcid.org/0000-0001-8117-0180>

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; тел.: +7 (8212) 20-17-02; e-mail: nadezhdakorovina@mail.ru

Tradition and Modernity in the Work of Komi Storytellers (SUS 502 “Copper Forehead”)

Nadezhda S. Korovina

(Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences: 26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation)

Summary. *The strong connection between the Komi and Russian fairy tale traditions has been noted repeatedly, yet research on this issue is clearly insufficient. In this article the author attempts to define the interaction of fairy tales of these neighboring peoples which belong to different linguistic families but which have closely related cultural traditions. Its specific focus is fairy tale SUS number 502 “Copper Forehead.” It examines five Komi variants of the fairy tale that contain all of the significant elements of this plot type. Examination of the Komi material challenges the idea that the laws governing folktales are stable. With the fading of folkloric traditions, there have been changes in fairy tales’ most stable components, their plot and compositional structure. Komi storytellers have introduced changes that transform Komi fairy tales in the direction of “novelization,” turning them to some extent into oral tales of adventure and fantasy. Traditional stories are reinterpreted primarily due to contamination, including bringing folklore tales closer to those from Russian books. At the same time, these normal changes by no means indicate the complete destruction of Komi folklore’s deep traditional basis. The study also demonstrates that Komi storytellers have had a clear notion of traditional fairy-tale patterns and made wide use of them, which has largely contributed to the preservation of the fairy tale as a genre.*

Key words: Komi folktale, plot history, variant, plot type, comparative analysis.

Received: June 16, 2021.

Date of publication: September 25, 2021.

For citation: Korovina N. S. Tradition and Modernity in the Work of Komi Storytellers (SUS 502 “Copper Forehead”). *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 3. Pp. 66–78. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.3.005>

References

- Barag L. G. (1988) Sostoyanie vostochnoslavjanskoj ustnoj skazochnoj traditsii i sovremennye narodnye skazochniki [The State of the East Slavic Oral Fairy-Tale Tradition and Modern Folk Storytellers]. In: Traditsii i sovremennost’ v fol’klore [Traditions and Modernity in Folklore]. Moscow: Nauka. Pp. 113–152. In Russian.
- Dobrovolskaya V. E. (2015) Istoriya fiksatsii “Zhena uzha” (425M) u russkikh [The History of Recording “The Wife of the Snake” (425M) by Russians]. *Traditsionnaya kul’tura* [Traditional Culture]. 2015. No. 4. Pp. 133–142. In Russian.
- Dobrovolskaya V. E. (2017) Syuzhet “Amur i Psikheya” (SUS 425A) v russkoj skazochnoj traditsii [The Plot of “Cupid and Psyche” (SUS 425A) in the Russian Fairy-Tale Tradition]. *Traditsionnaya kul’tura* [Traditional Culture]. 2017. No. 3. Pp. 139–150. In Russian.
- Dobrovolskaya V. E. (2018a) “Orekhovaya vetochka”: redaktsiya syuzhetnogo tipa SUS 425S “Alen’kii tsvetochek” [“Nut Branch”: Editing of the Plot Type SUS 425C “Scarlet Flower”]. In: Iz istorii russkoj fol’kloristiki: Sravnitel’nye metody i podkhody v izuchenii narodnogo poeticheskogo tvorchestva: K jubileju Yu. A. Novikova [From the History of Russian Folklore: Comparative Methods and Approaches in the Study of Folk Poetic Creativity: On the Anniversary of Yu. A. Novikov]. St. Petersburg: Svoe izdatel’stvo. Pp. 226–238. In Russian.
- Dobrovolskaya V. E. (2018b) Muzhskaya skazochnaya traditsiya v Rossii: skazochnyi kanon i individual’noe nachalo (XIX–XXI vv.) [The Male Fairy-Tale Tradition in Russia: The Fairy-Tale Canon and Individualism (Nineteenth — Twenty-First Centuries)]. *Traditsionnaya kul’tura* [Traditional Culture]. 2018. No. 5. Pp. 175–187. In Russian.
- Korovina N. S. (2013) Tipologiya vzaimodejstviya komi i russkikh volshebnykh skazok (syuzhetnyi sostav, khudozhestvenno-stilevaya struktura) [Typology of Interaction Between Komi and Russian Fairy Tales (Plot Composition, Artistic and Stylistic Structure)]. Syktyvkar: IYaLI Komi NTs UrO RAN. In Russian.
- Kostyukhin E. A. (1993) Skazki i tipologiya kul’turnykh kontaktov [Fairy Tales and the Typology of Cultural Contacts]. In: Russkii fol’klor: Mezhetnicheskie fol’klornye svyazi [Russian Folklore: Interethnic Folklore Connections]. St. Petersburg: Nauka. Vol. XXVII. Pp. 3–13. In Russian.
- Lyzlova A. S. (2019) Syuzhetnyi tip 510V “Svinoi chekhol” v skazochnoj traditsii Karelii [Plot Type 510B “Pigskin Cover” in the Folktale Tradition of Karelia]. *Traditsionnaya kul’tura* [Traditional Culture]. 2019. No. 1. Pp. 31–41. In Russian.

Pomerantseva E. V. (1965) Sud'by russkoi skazki [The Fate of a Russian Fairy Tale]. Moscow: Nauka. In Russian.

Pomerantseva E. V. (1979) Russkaya skazka v ustnom repertuare komi [The Russian Fairy Tale in the Oral Repertoire of the Komi Republic]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1979. No. 6. Pp. 32–44. In Russian.

Pomerantseva E. V. (1988) K voprosu o natsional'nom i internatsional'nom v narodnykh skazkakh: (Na materiale syuzheta "Nevernaya zhena") [To the Issue of the National and International Elements in Folktales (Based on the Story "The Unfaithful Wife")]. In: Pisateli i skazochniki [Writers and Storytellers], by E. V. Pomerantseva. Moscow: Sovetskii pisatel'. Pp. 187–227. In Russian.

Pozdeeva A. N. (2018) Sravnitel'nyi analiz syuzhetnogo tipa SUS 314 "Chudesnoe begstvo s pomoshch'yu konya" v pol'skoi i russkoi volshebnoi skazke [Comparative Analysis of Plot Type SUS 314 "A Wonderful Escape with the Help of a Horse" in a Polish and Russian Fairy Tale]. In: Sbornik materialov X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Collection of Materials of the X International Scholarly and Practical Conference]. Cheboksary: ChGU im. I. N. Ul'yanova. Pp. 200–205. In Russian.

Propp V. Ya. (1998) Istoricheskie korni volshebnoi skazki [Historical Roots of the Fairy Tale]. In: Sobranie trudov [Collected Works], by V. Ya. Propp. Moscow: Labirint. Pp. 112–436. In Russian.

© N. S. Korovina, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda S. Korovina <https://orcid.org/0000-0001-8117-0180>

E-mail: nadezhdakorovina@mail.ru

Tel.: +7 (8212) 20-17-02

26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation

PhD in Philology, Senior Researcher, Folklore Department, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

---

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)